

Ольга Баринова

Осколки
Сердца

Ольга Баринова

Осколки

«Литнет»

2026

Баринава О.

Осколки / О. Баринава — «Литнет», 2026

Обычный чек из кофейни перевернул жизнь Наташи. Муж завел себе молодую любовницу и после двадцати лет брака оставил ее без квартиры, работы и средств к существованию. Но Наташа не сдастся. Она поднимется из пепла и докажет всем, и прежде всего себе, что женщина способна на всё. «Осколки» - это книга о том, как предательство становится точкой отсчёта новой жизни, а боль — топливом для перемен.

© Баринава О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ГЛАВА 1

Наташа вышла из метро, сунула руки в карманы пальто и подумала, что сегодня она купит себе что-нибудь вкусное. Маленький, дурацкий, жирный торт, например. Потому что она это заслужила. Она заслужила гораздо больше, конечно. Но торт – это хотя бы что-то...

Ключ повернулся в замке с привычным щелчком, и квартира встретила ее тишиной.

– Я дома, – сказала она по привычке.

Никто не ответил. Понятно. Андрей в последнее время пропадал на работе.

«Проект», – говорил он, не глядя в глаза.

«Сроки горят», – добавлял, уже стоя в коридоре с завязанным галстуком.

Наташа верила. Конечно, она верила. Двадцать лет «счастливой семейной жизни» – это вам не шуточки. Это в том числе и привычка доверять, въевшаяся глубже, чем запах его одеколona в шкафу. Привычка, которая становится твоей второй кожей, даже когда эта кожа начинает зудеть от подозрений.

Наташа скинула туфли на каблуках, прошлепала босыми ногами на кухню, наслаждаясь прохладой плитки после долгого дня. Открыла холодильник. Молоко, яйца, вчерашний суп. Она поставила коробку с тортом на верхнюю полку и прикрыла дверцу.

На полу у открытой дверцы лежал чек.

Белый, сложенный пополам, с серым отпечатком пальца на стиге. Обычный бумажный прямоугольник, который любой другой человек просто выбросил бы в мусорное ведро. Но Наташа работала с цифрами много лет. Она видела то, чего другие не замечали.

Она подняла чек.

Глаза, натренированные годами работы, выхватили главное раньше, чем мозг успел включить защиту.

Состав заказа... 2...

Эклер с соленой карамелью... 2

Чай с бергамотом. Мед.

Способ оплаты: карта **** 4825.

Его карта. Он носил ее в левом внутреннем кармане пиджака, рядом с сердцем. Говорил: «Это мой талисман, Наташ. Первая бизнес-карта». И вот этот талисман аккуратно зафиксировал предательство.

Дата: вчерашняя. Время: 14:32.

Она была на работе. А он сказал, что будет на переговорах с партнерами, в другом конце города. После которых муж позвонил ей и рассказывал бодрым, веселым голосом, что «все отлично, контракт почти подписали, но придется встретиться еще раз, эти партнеры такие зануды, ты не представляешь».

А чек был из дорогой хипстерской кофейни на углу Ленинского, в двух шагах от его офиса.

Состав заказа: 2.

Не один. Не три. Два.

Наташа стояла посреди кухни с чеком в руке, и мир вокруг нее начал распадаться на детали, которые она раньше не замечала. Запах чужих духов в прихожей – сладковатый, приторный, с нотками ванили – она списала на новое средство для одежды, купленное в супермаркете. Его внезапная любовь к фитнесу в сорок три года – «просто хочу быть в форме, Наташ, ты же знаешь, возраст». Смену пароля на телефоне – «безопасность прежде всего, на работе требуют». Вечно отключенный звук – «встречи, не хочу отвлекаться».

Наташа не могла плакать. Она смотрела на чек, и в голове, как в той самой экселевской таблице, выстраивались строгие столбцы.

Дата. Время. Место. Количество порций.

Вот гад! Он врал ей вчера, в красках расписывая, как сложно идут переговоры и как партнеры торгуются, глядя в глаза своей жене. Жене, которая растила их детей, доделывала за него отчеты по ночам и экономила на себе, чтобы он ходил в дорогих костюмах.

Рука сжала чек так, что бумажка хрустнула, и от этого звука внутри что-то хрустнуло тоже.

Что-то, что держало ее на плаву последние годы, когда он стал холодным, когда перестал целовать ее на прощание, когда начал смотреть сквозь, а не на.

В этот момент она услышала, как в замке поворачивается ключ.

Ее шаги были легкими, почти неслышными – она давно научилась двигаться тихо, потому что она привыкла не мешать.

Наташа вышла в коридор как раз в тот момент, когда Андрей вешал пальто на вешалку. Он обернулся, увидел ее, и на его лице мелькнула тень.

– Наташка? Напугала, – сказал он, развязывая галстук. – Стоишь как привидение... Ужин готов?

Он не смотрел на ее руки. Не видел чека.

– Я тебя спрашиваю, – добавил он, проходя на кухню и щелкая выключателем. Яркий свет резанул по глазам. – Что на ужин? Я голодный как волк.

Наташа смотрела на его спину. Широкие плечи, дорогой пиджак от Brioni, легкая седина на висках, которая придавала ему импозантности.

Она вспомнила, как впервые увидела его в университетской библиотеке, он делал вид, что ищет книгу, а сам смотрел на нее. «Девушка, вы не подскажете, где здесь Достоевский?» – спросил он, хотя прекрасно знал, что полка с русской классикой стоит у входа. Она тогда засмеялась. Он тоже. И мир казался огромным и светлым.

Она отдала этому мужчине двадцать лет. Лучшие годы.

Она тянула их бюджет, когда он начинал свой бизнес, отказывая себе в новом платье и покупая продукты в дешевых магазинах. Она закрывала отчеты по ночам, чтобы он мог выспаться перед важными встречами, – и утром варила ему кофе, целовала в щеку и улыбалась, хотя глаза слипались. Она родила, когда он сказал «еще не время», а потом еще раз, когда он сказал «сейчас не потянем». А потом не грузила его детьми, потому что «ты сама хотела, Наташ», и своими проблемами, поскольку «ну что там у тебя, в институтской бухгалтерии, сидишь себе и отчеты считаешь».

Она заслужила свой торт как никто. А он купил эклеры другой.

– Наташ? – он обернулся, нахмурившись. Его глаза скользнули по ней, задержались на лице, и в них мелькнуло раздражение. – Ты чего встала? Я к тебе обращаюсь.

«Наташ». Он всегда называл ее так, когда был недоволен. Как будто само ее имя – ласковое, домашнее, раздражало его.

Она посмотрела на чек. Развернула его аккуратно, разгладила пальцем сгибы. Подошла к столу и положила бумагу перед ним.

– Андрей, – ее голос был спокоен. Так спокойны люди, которые стоят на краю обрыва и уже не боятся высоты. – Что такое «состав заказа: 2»?

Он замер.

Увидел чек, и его лицо изменилось – как будто на экране переключили канал. Сначала недоумение: откуда, что, как это оказалось здесь. Потом растерянность, которую он пытался спрятать за быстрым, лихорадочным просчитыванием: что сказать, как выкрутиться, какую версию придумать, чтобы она проглотила, как всегда. Его губы уже начали складываться в улыбочку – ту самую, при помощи которой он обманывал партнеров, продавал контракты, водил за нос всех вокруг.

А потом понял – не работает.

И появилось то самое выражение, которое она ненавидела больше всего на свете. Не вина. Не стыд. Даже не раздражение.

Усталость.

Усталость от нее.

– Наташ, давай не сейчас, – сказал он, проводя рукой по лицу, и его голос звучал так, будто она отнимает у него драгоценное время. – Я устал, голова раскалывается. Это просто коллега, мы обсуждали проект, я угостил ее кофе...

– В два часа дня? – перебила она. Ее голос дрогнул – впервые за весь разговор. Она ненавидела эту дрожь, ненавидела, что он видит ее слабость, но не могла остановиться. – Когда ты вроде как был на переговорах в другом конце города.

– Наташ, ну что ты цепляешься к мелочам? – он попытался усмехнуться, но усмешка вышла нервной, дерганой. – Подумаешь, кофе с коллегой. Это ничего не значит.

– Ты врееешь, – удивленно протянула она.

Он побледнел. Мгновенно, как будто из него выкачали всю кровь.

– Я... я не понимаю, о чем ты...

– Не надо. – Она подняла руку. – Не надо, слышишь? Ты уже и так все взял, что мог. Двадцать лет, Андрей... А ты... – она замялась. Слова застревали в горле, как битое стекло. – Эти эклеры...

Он молчал и смотрел в пол.

Наташа вдруг с удивительной ясностью поняла, что не хочет слышать объяснения. Не хочет вранья, обещаний, клятв, что это было один раз.

Она хочет, чтобы он ушел.

Вот прямо сейчас. Пока она еще не начала умолять, не размазала тушь по лицу, не превратилась в ту самую жалкую женщину, которой он ее, наверное, уже давно считает. Пока она еще может сохранить лицо.

– Я хочу, чтобы ты ушел, – сказала она.

Андрей усмехнулся с превосходством человека, который уверен, что никуда идти не придется. Он поправил галстук, посмотрел на нее свысока. Еще секунду назад он был растерян, а теперь – нет. Он снова был тем, кто держит все под контролем.

– Наташ, прекрати, – сказал он с назидательными нотками в голосе. – Я пришел домой. Что тебе еще нужно? Ну пообедал я с коллегой... Что такого? Ты себя ведешь как...

Она посмотрела на чек. Потом на него.

И впервые за эти годы не стала проглатывать обиду.

– Андрей, – сказала она тихо, – я сказала: уходи.

И в наступившей тишине она услышала, как в его кармане завибрировал телефон.

Они оба посмотрели на карман пиджака. На секунду, на одну короткую секунду, в его глазах мелькнул страх.

Наташа криво улыбнулась.

– Покажи, – сказала она. – Ну же. Покажи, кто пишет тебе вечером в пятницу, пока твоя жена стоит перед тобой с доказательством твоего предательства.

Конечно, Андрей ничего не показал. Он развернулся, вышел в коридор и схватил пальто. Дверь хлопнула так, что задребезжали стекла в серванте.

А она осталась стоять посреди кухни с чеком в руке.

В тишине. В пустой квартире. С тортом в холодильнике и счастливой семейной жизнью, рассыпавшейся за секунду, как замок из песка.

Наташа медленно опустилась на пол, прислонилась спиной к холодному фасаду холодильника и закрыла глаза.

Слез не было.

В груди как будто образовалась сосущая пустота, от которой было больно дышать.

А потом – через минуту, через час, она не могла сказать точно – где-то глубоко внутри, на дне этой пустоты, зажглась маленькая, злая искра.

Наташа открыла глаза и глубоко вздохнула.

– Ну и хрен с тобой, – сказала она в пустоту.

Роман является участником литмоба “Бывшие. Память о любви”

<https://litnet.com/shrt/6Bqs>

ГЛАВА 2

Андрей не пришел ночевать.

Наташа не спала. Она лежала на диване в гостиной – в той самой комнате, где они с Андреем раньше смотрели кино по пятницам, где дети разворачивали подарки на Новый год, где она когда-то чувствовала себя в безопасности. Теперь каждый угол этой квартиры казался чужим и враждебным.

Хорошо, что детей не было дома: дочка с парнем уехала на неделю в Калининград, а сын гостил у бабушки.

Стрелки часов показывали шесть, когда она поднялась. Вода в душе безжалостно обжигала кожу, но сквозь ледяное онемение она этого почти не замечала. Наташа механически надела костюм – тот самый, темно-синий, в котором он говорил, что она похожа на «бизнес-леди». Затем привычно нанесла макияж. Ее руки почти не дрожали, потому что внутри все уже умерло.

Мысль о завтраке и любимом кофе вызвала лишь тошноту. Наташа быстро вышла из квартиры, спасаясь от душливого безмолвия пустых комнат.

В офис она приехала за сорок минут до начала рабочего дня. Ее старенькая машина завелась без проблем, словно почувствовала состояние хозяйки. Ну хоть не пришлось добираться на метро.

Институтская бухгалтерия встретила ее привычным запахом офисной бумаги, дешевого кофе и старых папок. Наташа прошла к своему столу, включила компьютер и открыла эксель. Руки двигались сами. Глаза смотрели в монитор. Мозг – нет. Мозг все еще сидел на холодном кухонном полу, сжимая в пальцах смятый чек.

Коллеги здоровались с ней, но она почти ничего не слышала. Точнее, кивала и улыбалась – той механической улыбкой, которую отрепетировала за годы корпоративного этикета. Никто ничего не заметил, или делал вид, что не замечает.

В обеденный перерыв Наташа вышла из кабинета. Ей нужно было в туалет. Просто в туалет. Обычная физиологическая потребность.

Она зашла в кабинку и щелкнула замком. Прислонилась лбом к холодной двери и просто стояла, позволяя себе дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Она почти успокоилась. Почти.

А потом в туалет зашли двое.

Наташа узнала голоса сразу. Света из отдела кадров – вечно любопытная, с острым носом и острым языком. И Лена из маркетинга – тихая, незаметная, которая всегда стояла в стороне и слушала.

Они не знали, что она здесь. Зачем им знать? Кто же прячется в туалете в обеденный перерыв?

Вода зашумела в кране. Кто-то поправлял прическу.

– Ну да, Андрей же теперь с этой Анечкой, из «Престиж-групп», – сказал голос Светы буднично и беззаботно. Так говорят о погоде или о ценах на молоко. – Видела их в ресторане в прошлую пятницу. Она на нем висела как плющ. И знаешь, он выглядел таким... счастливым. Раньше я его с женой видела – она вечно уставшая, серая какая-то. А с этой он прям ожил.

– Да ну? – Лена, как всегда, недоверчиво. – А Наталья Владимировна знает?

– Да какая разница? – Света усмехнулась, и в ее голосе послышались нотки превосходства. – Он же богатый, куда она от него денется. Она, говорят, вообще ничего не понимает. Сидит в своей бухгалтерии, отчеты считает. Муж на стороне гуляет, а она и не знает. Или делает вид, что не знает. Такие до последнего делают вид, чтобы не потерять кормушку.

Наташа застыла.

Воздух вдруг стал тяжелым и давящим. Она не могла вдохнуть. Кафельная плитка под пальцами была ледяной, но тело горело.

– Ну и дура, – добавила Света. – Я бы на ее месте давно на развод подала. Или хотя бы деньги вытрясла. А она – ничего. Работает как лошадь, детей тащит, и еще улыбается всем. Жалко ее, конечно, но сама виновата. С таким мужем надо глаза держать открытыми.

– Аня-то, говорят, беременна уже, – вставила Лена. – Так что скоро на подарок скидываться будем.

Наташа услышала тихий, довольный женский смех. Смех над чужой бедой.

И что-то в ней щелкнуло. Тот самый механизм, который она выключала всю свою жизнь, чтобы не разругаться с начальством, чтобы не устраивать сцен, чтобы быть удобной, чтобы все считали ее «тихой и спокойной». Механизм, который помогал терпеть, молчать, проглатывать обиды.

Она открыла дверь кабинки и вышла.

Света и Лена замерли. У Светы выпала из рук помада, и она покатилась по кафельному полу, оставляя красный след. Лена побледнела так, что стала похожа на офисную бумагу.

– Наталья Владимировна, – выдавила Света, и ее голос скакнул на две октавы вверх. – Я не знала... я не думала, что вы здесь...

Наташа смотрела на них.

Она хотела закричать. Хотела схватить Свету за ее идеально уложенные волосы и приложить лицом о раковину. Хотела разбить зеркало. Хотела, чтобы этот адский день закончился.

Но она не сделала ничего.

Наташа проплыла мимо них, как будто их не существовало.

Она вышла из туалета, прошла через кабинет, игнорируя удивленные взгляды коллег. Она сняла пальто с вешалки, надела его, не чувствуя рукавов. Спустилась на парковку и села в свою старенькую, потрепанную машину, которую Андрей обещал заменить три года назад и не заменил.

Она закрыла дверцу.

И завывала.

Громко, страшно, навзрыд. Упершись лбом в руль, сжимая его так, что побелели костяшки. Она рыдала так, как не рыдала никогда. Даже вчера она держалась. А сейчас – нет.

Потому что сейчас она увидела себя со стороны. Жалкая, слепая дура, которая ничего не замечает. Усталая серая мышь у кормушки. Смех в туалете коллег, которым плевать на ее боль.

Она рыдала минут десять. Или час. Или вечность.

Потом она вытерла лицо рукой, размазав тушь по щекам, и дрожащими пальцами взяла телефон.

Набрала Ирину, и сразу, как только та взяла трубку, закричала. У нее не было сил больше сдерживаться.

– Ты знала про Андрея и его Анечку?! – голос сорвался, захлебнулся слезами. – Все знали?! И ты?! Ты тоже?!

Ирина молчала.

В трубке было слышно только ее тяжелое, неровное дыхание. Наташа знала подругу много-много лет, еще с университета. Ирина была тем человеком, которому она доверяла больше, чем себе.

– Наташ, – наконец сказала Ирина. Ее голос был тихим и виноватым. – Я... я не хотела тебя ранить. Ты была такая счастливая. Ну, не счастливая, но стабильная. Я думала, если скажу, ты развалишься. Я боялась за тебя.

– Сколько? – прошептала Наташа. – Сколько, Ира?

Долгая пауза.

– Почти полгода, – сказала Ирина. – Я чисто случайно увидела их в ресторане. Они целовались, Наташа... Я хотела сказать, но потом ты пришла такая светлая, говорила, что у вас все хорошо. И я не смогла. Прости меня. Прости, Наташ, я дура, я трусиха, я...

Наташа не дослушала.

Она отняла телефон от уха и нажала отбой. Потом отключила звук и бросила трубку на пассажирское сиденье и долго сидела, смотря невидящими глазами в лобовое стекло.

Полгода.

Ее муж изменял ей полгода. Ее подруга знала об этом полгода. Ее коллеги шептались за спиной полгода.

А она сидела в своей бухгалтерии, сводила дебет с кредитом, варила ему супы, гладила рубашки и думала, что у них все хорошо.

Дура. Тупая, усталая, жалкая дура.

Стекло машины запотело от ее дыхания. Наташа смотрела, как капли медленно стекают по стеклу, и чувствовала, как внутри обрывается последняя тонкая струна. Та самая, что до последнего звенела слабой надеждой: «А может, простить? Может, все еще наладится?»

Нет.

Ничего не наладится.

Она медленно подняла телефон, посмотрела на список контактов и нашла Андрея.

Нужно было позвонить ему. Сказать, что она знает. Что все знают. Что она больше не будет терпеть.

Но она не позвонила.

Она просто сидела в машине, в пустом подземном паркинге, и смотрела в одну точку. И думала о том, что все эти годы любви, заботы, верности обернулись жалким фарсом. Просто фоном для его настоящей жизни, в которой была молодая, свежая Анечка из «Престиж-групп». Беременная, блин.

Наташа закрыла глаза и прислонилась затылком к подголовнику.

Она не знала, что делать. Правда, которую она так боялась узнать, обрушилась на нее не из вчерашнего чека, не из его молчаливого признания. Правда пришла через грязные сплетни в женском туалете, через шепот коллег, через трусливое молчание лучшей подруги.

Как обычно, жена узнает последней. Последней идиоткой, которая ему верила.

Наташа медленно опустила голову на руки и заплакала.

Она плакала о себе. О своей доверчивости. О своей глупости. О том, что она, взрослая женщина, мать двоих детей, бухгалтер с двадцатилетним стажем, не заметила, как ее мир рассыпается в труху.

И никто не пришел ей помочь. Никто не протянул руку. Даже подруга, которую она считала сестрой, выбрала молчание.

Потому что так удобнее. Потому что никому не нужны чужие проблемы.

Она сжала пальцами руль так сильно, что кожа на костяшках побелела.

И вдруг она вспомнила, что сказала Света в туалете: «Такие до последнего делают вид, чтобы не потерять кормушку». Кормушку. Ее жизнь, ее дом, ее дети – все это было, оказывается, просто кормушкой. А она – обслуживающим персоналом.

Наташа подняла голову и посмотрела на свое опухшее лицо в зеркало заднего вида.

– Ты что, собираешься простить его? – спросила она у своего отражения.

Отражение молчало.

– Нет, – сказала она сама себе. – Хватит.

Она завела машину и выехала из паркинга, даже не оглянувшись на здание института. Плевать на работу. Плевать на отчеты. Плевать на всех.

Она ехала, не зная куда. Просто по улицам города, в котором прожила всю свою жизнь.

Она остановилась только у реки и вышла из машины. Встала у парапета, глядя на мутную февральскую воду. Ветер бил в лицо и леденил.

Наташа смотрела на воду, на серое небо, на грязный снег на берегу.

Она сжала кулаки, и ногти впились в ладони, оставляя на них полукруглые лунки.

– Я не прощу, – сказала она ветру. – Никогда.

Ветер подхватил ее слова и унес в серое небо. А она стояла на берегу, сжав зубы, и в ее душе, среди руин, пробивалась робкая вера в себя.

Она вытерла лицо и посмотрела на часы. Четыре часа дня, рабочий день еще не кончился. Но она больше не вернется туда, где над ней смеются.

Она села обратно в машину и включила звук на телефоне, который выключила после разговора с Ириной.

Там не было ни единого пропущенного от Андрея. Только с работы, и сообщение от Ирины: «Наташа, где ты???».

Наташа удалила сообщение, написала на работу, что ей стало плохо и она ушла на экстренный больничный.

Потом завела машину и поехала в ту самую квартиру, из которой вчера ушел муж. Она не знала, что скажет. Не знала, что сделает.

Но она знала одно: больше она не будет жалкой. Больше она не позволит никому делать из нее дуру.

Она будет жить всем назло.

И весь мир узнает, что значит предать Тихорецкую Наталью Владимировну.

ГЛАВА 3

Наташа стояла у подъезда уже десять минут.

Она смотрела на свет в окнах своей квартиры, на силуэт Андрея, который мелькал в окне гостиной, и не могла заставить себя войти.

Колючий ветер бил по лицу мелкими снежинками, которые таяли на щеках, смешиваясь со слезами. Наташа вытерла лицо рукавом пальто, глубоко вздохнула и вошла в подъезд.

Она не стала вызывать лифт и поднялась пешком, считая ступеньки. Сто двадцать четыре. Столько же, сколько утром. Столько же, сколько вчера. Столько же, сколько всегда. Только теперь каждая ступенька давалась с трудом, как будто ноги налились свинцом.

Перед дверью она остановилась.

В груди бешено заколотилось сердце. Она слышала его гул в ушах, и почувствовала, как задрожали руки. Наташа прижала ладонь к двери, к холодному дереву, и закрыла глаза.

– Ты сможешь это сделать, – прошептала она. – Ты сможешь.

И открыла дверь.

Квартира встретила запахом его одеколона и еще чем-то приторным. Духи. Те самые, которые она чувствовала в прихожей последние месяцы и списывала на новое средство для одежды. Теперь она знала, чей это запах.

Она юркнула ванну и быстро умылась, пытаясь привести себя в порядок.

Андрей стоял в центре гостиной. Он был в сером домашнем свитере с высоким воротом, который она купила ему на Рождество. Он ходил из угла в угол, но увидев, как она выходит из ванной, он замер.

– Наташ, – выдохнул он, и в голосе послышалось облегчение. – Ну наконец-то. Я уже начал волноваться.

Она молчала.

Медленно сняла пальто, аккуратно повесила на вешалку. Поставила сапоги на полку. Прошла на кухню, налила себе воды из фильтра и сделала глоток.

– Наташ, ну что ты молчишь? – он попытался улыбнуться. Улыбка вышла так себе. – Ты обиделась из-за того чека? Ну прости, я не хотел. Это просто коллега, я же говорил...

Она повернулась к нему. Посмотрела прямо в глаза.

– Ты спишь с Аней из «Престиж-групп», – сказала она.

Голос ее был спокоен. Так спокойны люди, которые уже знают приговор и больше ничего не боятся.

Андрей побледнел.

Буквально за секунду. Сначала порозовели уши, потом побелели щеки, потом исчезла краска с губ. Он открыл рот, закрыл и снова открыл. Как рыба – отвлеченно подумала Наташа.

– Наташ, что за чушь? Какая Аня? – его голос дрогнул, скакнул вверх на полтона. – Ты что, с ума сошла?

– Не надо, – сказала она, и в голосе ее появились стальные нотки. – Не надо врать. Я все знаю. Ты будешь отрицать?

Он смотрел на нее. В его глазах металась паника. Она видела это так же ясно, как видела его лицо.

– Откуда... – начал он, но осекся.

– Коллеги в туалете обсуждали, – с горечью сказала она. – Ты представляешь, Андрей? Мои коллеги стояли у раковин и смеялись над тем, какая я дура. Над тем, что мой муж уже полгода изменяет мне с Анечкой из «Престиж-групп». И что я ничего не знаю.

Он опустил голову. Его плечи поникли, как будто из него выкачали воздух. Молчание затягивалось, становилось густым, почти осязаемым.

– Ирина подтвердила, – добавила она, и голос ее дрогнул впервые за весь разговор. – Моя лучшая подруга. Я позвонила ей сегодня, после того как услышала эту грязь там, в туалете. И она призналась, что видела вас. Она тоже все знала. Все знали. Кроме меня.

Андрей молчал. Она смотрела на его макушку, на знакомые залысины, на седину на висках, и не могла поверить, что это тот же человек, с которым она прожила двадцать лет.

– И долго ты будешь молчать? – спросила она. – Будешь врать до последнего?

Он поднял голову.

– Я не хотел тебя ранить, – сказал он тихо. – Я хотел сохранить семью. Дети, дом, все это... ты же понимаешь.

– Ты хотел сохранить семью, когда трахал какую-то девку? – спросила она, и голос ее стал высоким, почти истеричным. – Ты хотел сохранить семью, когда сосался с ней по ресторанам? Когда врал мне каждый день?

– Наташ, ну хватит, – он провел рукой по лицу, и в его голосе появились раздраженные нотки. – Я понимаю, тебе больно, но драма – это лишнее. Такое бывает, у всех бывает. Я же не бросил тебя. Я здесь. Я пришел домой. Что тебе еще нужно?

Она смотрела на него и не верила своим ушам.

– Что мне еще нужно? – переспросила она. – Мне нужно, чтобы ты не врал. Мне нужно, чтобы ты уважал меня. Мне нужно, чтобы я была для тебя не просто прислужой, которая гладит рубашки и варит суп.

– Ты не прислуга, – сказал он, но в голосе его не было убежденности.

– Нет? – она усмехнулась. – Тогда кто? Я тащила на себе все. Детей, дом, работу. Я закрывала твои долги, когда бизнес трещал по швам. Я не спала ночами, чтобы ты спал. А ты даже не мог сказать мне правду.

– А что бы изменилось? – он повысил голос, и в нем проснулась привычная агрессия. Он всегда так делал, когда чувствовал себя загнанным в угол. Начиная нападать. – Если бы я сказал тебе полгода назад, что бы изменилось? Ты бы ушла? Развелась? Что бы ты сделала, Наташ?

– Я бы ушла, – сказала она твердо. – Я бы не тратила ни дня своей жизни на то, чтобы жить с человеком, который не уважает меня.

– Ты бы не ушла, – он усмехнулся, и в его усмешке было что-то злое. – Куда бы ты пошла? У тебя нет денег, нет жилья, детей кормить надо. Побухтела бы и проглотила. Ты же всегда все терпишь, Наташ. Ты удобная. Никуда ты не уйдешь.

Его слова ударили ее как пощечина. Она смотрела на него, и внутри нее, там, где еще теплилась последняя надежда, что-то окончательно умерло.

– Ты прав, – сказала она ледяным голосом. – Я была удобной. Я делала вид, что не замечаю, когда ты становился холодным. Я делала вид, что все хорошо, когда в душе была пустота. Я терпела. Но больше нет.

– Наташ, – он шагнул к ней, и в его голосе появилась тревога. – Не говори глупостей. Давай сядем, поговорим спокойно. Ты горячишься.

– Я не горячусь, – сказала она. – Я впервые в жизни холодна как лед. Сколько, Андрей? Сколько ты спишь с ней?

Он опустил глаза.

– Полгода, – сказал он тихо. Потом помедлил и добавил: – Ну, может, чуть больше. Год. Год.

Она смотрела на него, и внутри нее все замирало. Год. Триста шестьдесят пять дней. Восемь тысяч семьсот шестьдесят часов. Пятьсот двадцать пять тысяч минут. Он врал ей каждую минуту.

– Год, – повторила она. Голос ее стал безжизненным, как у робота. – Ты врал мне целый год.

– Наташ, я...

– Почему она? – перебила она. – Почему она, а не я? Что в ней такого, чего нет во мне?

Он помолчал, подбирая слова, и его лицо напряглось. Но она видела – он ищет не те слова, которые ее меньше ранят, а те, которые позволят ему выйти сухим из воды.

– Она... другая, – сказал он наконец. – Молодая. Живая. Она не грузит меня проблемами, не жалуется, не говорит, что устала. С ней легко. Понимаешь?

– Понимаю, – сказала она тихо. – С ней легко, потому что у нее нет детей, которых нужно поднимать по утрам. Нет ипотеки, которую нужно платить. Нет мужа, который вечно пропадает на работе. Нет быта, который высасывает все силы.

– Наташ, ну вот опять ты начинаешь...

– Я начинаю говорить правду, Андрей, – перебила она. – Ты просто слабак. Ты не умеешь любить по-настоящему. Ты умеешь только брать.

Он молчал. Смотрел на нее, и в его глазах было что-то странное. Словно она ударила его в самое болезненное место.

– Ты ничего не знаешь, – сказал он тихо.

– Я знаю, что ты – трус, – ответила она. – Ты не смог сказать мне правду в глаза. Ты не смог взять ответственность за свои поступки. Ты просто ждал, когда я сама узнаю, чтобы не выглядеть виноватым.

Она развернулась и пошла в спальню. Ей нужно было собрать вещи. Нужно было уйти из этого дома, из этой жизни, из этого кошмара.

Андрей не остановил ее.

ГЛАВА 4

Она стояла посреди спальни, раскрыв на кровати старый чемодан, и смотрела на фотографию на комоде. Они втроем – она, Андрей и маленький Паша на руках. Все счастливые. Все улыбаются. Невинные, глупые и верящие в «навсегда».

– Наташ, – голос Андрея раздался за спиной. Он стоял в дверях спальни, прислонившись плечом к косяку. – Давай прекратим эту истерику. Ты не можешь просто собрать вещи и уйти.

– Еще как могу, – сказала она, не оборачиваясь. – Я уже уйду.

Она открыла шкаф, начала складывать вещи в чемодан. Джинсы, свитера, нижнее белье. Она не брала много. Только самое необходимое. Остальное ей не нужно. Остальное – это ее прошлая жизнь. Там, где она была женой. Где она была нужна. Где она была удобной.

– Наташ, послушай, – он шагнул в комнату. – Ты не подумала о детях. О Паше. Что ты ему скажешь? Что ты ушла, потому что папа купил эклеры другой женщине?

– Я скажу ему правду, – она повернулась к нему, и в глазах ее горела холодная ярость. – Что его отец предал нашу семью. Что он врал мне. Что он выбрал другую женщину вместо нас.

– Ты не посмеешь! – он повысил голос, и в нем снова проснулась агрессия. – Ты не имеешь права настраивать сына против меня!

– Я имею право говорить правду, – сказала она. – Ты боишься, что он узнает, какой ты на самом деле? Что он увидит, что его героический папа – обычный трус и лжец?

Он шагнул к ней, и на секунду ей показалось, что он ударит ее. Она даже не отшатнулась. Смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

– Ты не уйдешь, – сказал он, и в голосе его была угроза. – Ты никуда не уйдешь. Потому что тебе некуда идти. У тебя нет денег, Наташ. Ты работаешь в какой-то институтской бухгалтерии и получаешь копейки. Ты не сможешь снять квартиру, не сможешь прокормить детей. Ты зависишь от меня. И всегда зависела.

Она смотрела на него, и в груди ее поднималась тошнота. Он был прав. Она отдала ему все свои годы, все силы, всю жизнь – и теперь он держал ее за горло.

– Я подам на развод, – сказала она. – И потребую алименты.

Он усмехнулся. Коротко, нервно, с превосходством.

– Алименты? – переспросил он. – Наташ, неужели ты думаешь, что я не подготовился? Бизнес оформлен на подставные фирмы. Официально у меня минимальная зарплата. Все имущество записано на мать. Ты не получишь ничего.

Она застыла. Смотрела на него, и внутри нее все холодело.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что ты не получишь ничего, – повторил он, и в голосе его звучало торжество. – Ты думала, я не просчитал все варианты? Я не дурак, Наташ. Я знал, что рано или поздно это случится. Я подготовился.

Она смотрела на него и не узнавала этого человека. Это не был ее муж. Это был чужой, холодный, расчетливый человек, который все это время играл с ней. Который выстраивал свою защиту за ее спиной.

– И эта квартира тоже оформлена на маму, – сказал он спокойно. – Формально это ее имущество.

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она держалась за комод, чтобы не упасть. Смотрела на него, на этого человека, и не могла верить, что он способен на такое.

– Ты не сможешь меня этим остановить, – сказала она.

Он опустил глаза. Отвел взгляд, посмотрел в стену, в пол, куда угодно, только не на нее.

– Хорошо, тебе надо остыть, я понимаю. Хочешь, я оплачу тебе съемную квартиру, – сказал он глухо. – На месяц, не больше.

– На месяц? – тупо переспросила она. – Месяц? Я прожила с тобой столько лет, и ты даешь мне месяц?

– Этого должно хватить, – сказал он, и в голосе его больше не было раскаяния. – Ты придешь в себя. Ты сейчас не в себе, Наташ. Я и не собирался бросать тебя.

– Ты уже бросил, – сказала она. – Ты бросил меня, когда выбрал ее. Ты бросил меня сейчас, когда сказал, что я – никто. Что у меня нет ничего.

Она повернулась к шкафу, открыла его, достала с полки стопку белья. Руки дрожали, пальцы не слушались. Она слышала, как Андрей стоит за спиной, слышала его дыхание, чувствовала его взгляд.

– Наташ, ну не надо драмы, – сказал он раздраженно. – Ты же понимаешь, что это логично. Это мое имущество.

– Не твое, – перебила она. – Ты сказал, что оно оформлено на маму. Значит, даже не твое. Ты просто живешь в квартире своей матери. Как маленький мальчик.

Она услышала, как он хрустнул пальцами.

– Наташ, я пытаюсь быть цивилизованным, – сказал он, и голос его стал угрожающим. – Не вынуждай меня быть грубым.

– Ты уже был грубым, – сказала она. – Ты только и делаешь, что вытираешь об меня ноги. Что может быть грубее?

Она застегнула чемодан, подняла его. Он был легким. В нем было все, что осталось от ее жизни. Несколько вещей, фотография и пустота.

Она пошла в гостиную, чтобы взять документы. Андрей следовал за ней, как тень.

– Ты не подумала о детях, – сказал он. – Паша еще маленький. Он не поймет. И Катя...

– Катя? – она горько усмехнулась. – Катя уже взрослая, она с парнем живет.

– Я позвоню им, – сказала она. – И все объясню.

– Ты не посмеешь, – повторил он. – Ты не посмеешь разрушить их жизнь.

– Ты уже разрушил ее, – сказала она. – Ты разрушил все. Своими руками.

Она взяла документы из сейфа, сунула их в сумку и прошла в коридор.

У двери она остановилась и повернулась к нему. Он стоял в дверях гостиной, держась за косяк. В его глазах было что-то странное. Может быть, сожаление. Может быть, облегчение.

– Я не прощу тебя, – сказала она. – Никогда. Ни за что. Ты предал меня, Андрей. Ты предал нашу семью.

– Наташ...

– Я уйду, – сказала она. – И я не вернусь. Знаешь, что я поняла сегодня? Ты всегда говорил, что я слабая. Что я не справлюсь без тебя. Но ты ошибался. Я справлюсь. Я справлюсь без тебя, без твоих денег, без твоего дома. Я справлюсь, потому что у меня нет выбора. А ты... ты останешься с ней. С Аней. С женщиной, которая тебя вдохновляет. И когда она перестанет тебя вдохновлять, когда она станет уставшей и раздраженной, ты поймешь, что потерял. Но будет поздно.

Она открыла дверь.

– Прощай, Андрей.

И вышла.

Она спускалась по лестнице, сжимая ручку чемодана, и чувствовала, как слезы заливают лицо. Она не вытирала их. Она шла, не останавливаясь, считая ступеньки. Сто двадцать четыре. Каждая – как прощание с прошлым.

На улице было темно. Февральский ветер снова ударил в лицо, снег кружился в свете фонарей. Она стояла на тротуаре, держа в руке чемодан, и не знала, куда идти.

В кармане завибрировал телефон. Андрей. Она сбросила вызов. Через минуту пришло сообщение: «Ты не сможешь одна. Вернись и поговорим».

Она удалила сообщение.

Потом пришло другое: «Я заблокировал все карты. У тебя есть только твоя зарплатная с жалкими копейками. Вернись, пока я готов закрыть глаза на твои выходки».

ГЛАВА 5

Наташа завела машину и поехала куда глаза глядят.

Телефон завибрировал снова. Андрей. Она даже не посмотрела. Нажала отбой. Потом пришло сообщение: «Я отключаю твою симку завтра утром. Решай». Она удалила.

Потом еще одно: «Звонил Паша спросил, где ты. Я сказал, что ты уехала в командировку. Не заставляй меня врать детям».

Она сжала телефон так, что хрустнул пластик чехла.

Паша. Ее мальчик. Она хотела позвонить ему, но что она скажет? «Паш, я ушла, потому что папа нас предал»? Как можно такое говорить тринадцатилетнему ребенку?

Наташа сунула телефон в карман и снова заплакала.

Она припарковалась на набережной и стала думать, куда идти. У нее было три тысячи рублей на карте. Завтра Андрей заблокирует все остальные счета.

Она была на дне.

Телефон снова завибрировал. Она машинально посмотрела на экран.

Ирина.

Наташа хотела сбросить, но палец замер над кнопкой. Ирина звонила уже в двадцатый раз. Наташа игнорировала все вызовы, но сейчас... сейчас ей так хотелось услышать чей-то голос.

Она нажала кнопку принять.

– Наташ?! – голос Ирины был испуганным. – Наташ, слава богу! Ты где?! Я звоню тебе уже три часа, ты не берешь трубку! Я волнуюсь, ты хоть понимаешь?

Наташа молчала. Она слышала голос подруги, и внутри нее все сжималось от боли.

– Наташ, ответь! – Ирина почти кричала. – Ты где? Ты в порядке?

– На набережной, – прошептала Наташа. Голос ее был хриплым, чужим. – Я на набережной.

– Какая набережная?! – Ирина повысила голос. – Ты вообще понимаешь, что говоришь? Какая набережная, Наташ?!

– Не знаю, – сказала Наташа. – Я не знаю. Я просто еду куда глаза глядят. У меня чемодан. Я ушла из дома.

В трубке повисла тишина. Потом Ирина выдохнула:

– Он тебя выгнал?

– Андрей сказал, что это его квартира, – сказала Наташа, и голос ее дрогнул. – Что все оформлено на маму. Что у меня ни на что нет прав. Он сказал, что заблокирует все карты и даже симку отключит от семейного тарифа...

– Что?! – Ирина закричала. – Как он посмел?! Чья квартира?! И карты?! Ты же его жена, Наташа, мать его детей!

– Я уже не жена, – сказала Наташа. – Я никто. У меня нет ничего. Только чемодан и три тысячи на карте.

– Приезжай ко мне, быстро. Слышишь меня?

– Хорошо, – сказала Наташа.

Она отключила телефон и снова уставилась на реку. Черную, мертвую воду, в которой отражались огни города. На том берегу горели окна. Там кто-то жил. Кто-то ужинал, смотрел телевизор, смеялся. А она сидела в машине и чувствовала себя призраком.

Она думала о Паше. О том, что он сейчас делает. Наверное, ужинает.

Она думала о Кате. О дочери, которой она отдала столько сил, столько любви.

Она думала о своей работе. О завтрашнем дне, когда начальник вызовет ее и скажет, что она уволена. Андрей так и сделает, она чувствовала.

Она потеряла все.

Дом, семью, работу. Все, что составляло ее жизнь, рассыпалось в один миг. Как карточный домик. Как замок из песка.

Она закрыла глаза. Подумала о том, что сейчас было бы легче всего просто закрыть глаза и не открывать. Просто уснуть и не просыпаться, пока этот кошмар не закончится.

Но в этот момент где-то вдалеке раздался звук мотора. Резкий, пронзительный, такой громкий в ночной тишине. Машина затормозила рядом с ее, хлопнула дверца, и по снегу застучали каблучки.

– Наташка! – голос Ирины вырвал ее из мрачных мыслей.

Наташа открыла глаза.

Ирина открыла дверь ее машины и села на пассажирское сидение. Она посмотрела в лицо подруги и заплакала.

– Прости меня, – сказала она. – Прости, Наташенька. Я дура, я трусиха, я не должна была молчать. Я не должна была. Если бы я сказала тебе еще тогда, ты бы ушла и не мучилась. Ты бы не сидела сейчас здесь, на этом холоде. Прости меня.

– Это уже не важно, – сказала Наташа. – Я все равно узнала. Все равно ушла. Все равно осталась одна.

– Ты не одна, – Ирина сжала ее руки. – Ты не одна, слышишь? Я здесь. Поехали ко мне. Я заварю тебе чай, я согрею тебя.

– У меня нет денег, – сказала Наташа. – У меня есть только три тысячи на карте. И чемодан.

– Плевать, – сказала Ирина. – Плевать на деньги. Мы что-нибудь придумаем. Ты не одна, Наташенька. Ты никогда не была одна.

Она помогла Наташе выйти из машины, подхватила чемодан, повела ее к машине. Наташа шла, не чувствуя ног. Ее трясло. От холода. От голода. От страха. От всего, что случилось за эти два дня.

В машине было тепло. Ирина включила печку на полную, достала из бардачка плед, укутала Наташу.

– Ты вся ледяная, – сказала она. – Ты не ела сегодня?

– Нет, – сказала Наташа. – Кажется, нет, не помню.

– Боже, – Ирина покачала головой. – Ничего, сейчас приедем, я накормлю тебя. Горячий чай, суп, что угодно. Ты только не закрывайся, Наташенька. Ты только говори мне все, хорошо?

Наташа кивнула. Она смотрела в окно на проплывающие огни и не видела их.

Ирина жила в центре, в старой сталинке с высокими потолками и длинными коридорами. Она помогла Наташе подняться на лифте, открыла дверь и впустила внутрь.

Квартира была маленькой, но уютной. Теплый свет, книги на полках, фотографии на стенах. Наташа стояла в прихожей и не могла заставить себя переступить порог. Ей казалось, что она пачкает эту чистоту, эту простую жизнь.

– Проходи скорее, – сказала Ирина. – Не стой в дверях. Проходи на кухню, ну же.

Наташа скинула пальто. Она была в тонком свитере, в джинсах, ноги промокли насквозь и кроссовки предательски хлопнули. Она прошла на кухню, села за стол, и уставилась в одну точку, не замечая, как вокруг нее хлопочет Ирина.

Она сжала ладонями кружку с горячим чаем, которую Ира поставила перед ней.

– Пей, – сказала Ирина. – Медленно, маленькими глотками. Ты должна согреться. А я пока приготовлю тебе ванну.

Наташа сделала глоток. Чай обжег горло, но она ничего не почувствовала. Она смотрела на кружку, на пар, поднимающийся над ней, и думала о том, что всего два дня назад она сидела на своей кухне, в своей квартире, с мужем, которого любила, и не знала, что через сорок восемь часов все это рухнет.

– А теперь рассказывай, – сказала Ирина, садясь напротив. – Рассказывай все. С самого начала.

Наташа подняла на нее глаза.

– Ты знаешь все, – сказала она. – Ты знаешь даже больше, чем я. На полгода больше.

– Я знала, что он тебе изменяет, – сказала Ирина, и в голосе ее была горечь. – Но даже подумать не могла, что он так с тобой... Я не знала, что он такой подлый.

– Он всегда был таким, – сказала Наташа. – Я просто не хотела видеть. Я не хотела видеть, что он думает только о себе. Что он давно уже не любил меня. Что я была для него просто удобной. Прислужой. Нянькой для детей. Домработницей. Но не любимой женой.

– Неправда, – сказала Ирина. – Он любил тебя. Когда-то любил. Я помню, как вы встретились. Он смотрел на тебя как на сокровище.

– Все это давно прошло, – сказала Наташа. – Все прошло. Он выбрал другую. Молодую, живущую, легкую – так он сказал. А я просто усталая, серая мышь.

– Ты не серая мышь, – Ирина сжала ее руку. – Ты самая сильная женщина, которую я знаю. Ты просто устала. Ты тащила на себе все, а он просто брал. Ты ни в чем не виновата.

Ирина смотрела на нее, и в ее глазах плескалась боль за подругу

– Ничего, – сказала Ирина. – Мы что-нибудь придумаем. Мы найдем тебе жилье. Мы все решим. Только не сдавайся, Наташенька. Только не сдавайся.

Наташа благодарно сжала руку подруги. Ей показалось, что в конце черного тоннеля забрезжил лучик света.

И тут телефон завибрировал. Пришло сообщение от Андрея.

«Если сейчас же не вернешься, я позвоню Николаю, чтобы он тебя уволил. Ты меня знаешь.»

ГЛАВА 6

Ночью Наташа проснулась от того, что не могла дышать.

Грудную клетку сдавило железным обручем, каждый вдох отдавался хрипом и болью. Она открыла глаза, и ничего не увидела, кроме серой пелены перед глазами. Наташа попыталась сесть, но комната поплыла, стены накренились, и она рухнула обратно на подушку.

– Ира, – прохрипела она.

Ирина вбежала в спальню как была – босиком, с растрепанными волосами – она еще не легла и услышала хрип.

– Наташа, да что с тобой! – она подбежала, присела на край кровати, приложила ладонь ко лбу. – Ты вся горишь!

– Я... – Наташа попыталась сказать, что она в порядке, но вместо этого надрывно закашлялась.

– Лежи, не вставай! – Ирина уже металась по комнате, хватая телефон. – Я сейчас вызову скорую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.